

СВЕТ ВОЗВРАЩЁННЫЙ

Захар Прилепин

Слишком много было надежд в эти годы.

Слишком много восклицаний, обещаний, пророчеств.

Слишком многое в итоге не сбылось.

А что-то и не сбудется, увы.

Оттого берёшь эту книгу в руки с чувством почти усталым. Такая огромная стопа стихов. Но мало ли мы прочитали за жизнь свою рифмованных строк! Мало ли антологий изучили... И вот взгляните — ещё одна, неприподъёмная. Чем они могут нас удивить, эти поэты? Что они понимают вообще! Чтоб избавиться от этих назойливых мыслей, захотелось прочитать эту книгу будто бы сторонним взглядом. Взглядом человека, насколько это возможно забывшего про все эти пресловутые «десять минувших лет». Которые ещё вчера были девятью, а позавчера — восемью годами. И я начал читать, как утомлённый умствованием своим скептик. Почти даже злясь, почти расчесав в себе этот как бы высокомерный, но на самом деле глубоко обывательский зуд: «Какие, к чёрту, стихи, когда война!..»

Но знаете... Скепис мой, как стеклянный, вдребезги разбился о первое же стихотворение поэта Антипова.

Потому что это великолепные стихи.

Потому что это духоподъёмные стихи.

Потому что в стихах этих сказано то и сказано так, как не скажет вам ни один наградной лист, ни одна победная реплика, ни один репортаж с мест событий.

Репортажи важны, конечно. Мы все читаем репортажи день и ночь. Но теперь, спустя десятилетия, сравните, что на вас действует больше: сводки информбюро за 1943 год, или «Василий Тёркин», или «Жди меня», или «Эх, дороги...». И если вы скажете: сводки информбюро, вы не меня обманываете, вы себе врёте.

Человек живёт внутри истории только посредством искусства.

Человек живёт внутри истории посредством поэзии.

Человек живёт внутри мифа, даже если не знает об этом. Русский человек соткан из стихотворения Лермонтова «Бородино» и песни «Тёмная ночь». Если он потеряется во времени и в пространстве, его пересоберут заново и восстановят по этим строчкам.

Читая дальше, я попытался было осколки своего скепсиса склеить заново, насытив сердце чувством заранее снисходительным и нарочито утомлённым. Но весь этот скепсис раз за разом, с каждым новым автором расшибался к чёрту на мелкие брызги.

О, сколько здесь отличных стихов!

Прочитав первые сто страниц, я спокойно сказал себе: эта антология, пожалуй, не уступает антологиям поэзии Великой Отечественной. И самой полной красно-белой антологии поэзии войны Гражданской тоже не уступает. И даже, пожалуй, эта книга сильнее антологий поэзии Первой мировой. И тем более она куда мощней антологий поэзии последней советской войны — Афганской.

Тогда я начал читать от финала этой книги к середине: а вдруг все лучшие стихи скопились в начале и меня хотят обмануть? Но чувство подлинности открывшегося текста лишь

укрепилось. Тогда я начал читать наугад в надежде попасть на стихи слабые, случайные, наносные. И хотя не вся антология состоит из гряды вершин — так и не бывает, — я всё равно остался при своём мнении.

Вот оно.

Случившаяся и длящаяся трагедия отстоялась и воплотилась в слове. Мы ещё не победили зло на поле битвы, но мы уже победили здесь, в пространстве языка. Иные скажут, что слово — не победа. Должно быть, так. Наверное, это так. Особенно если забыть, что гениальный русский эпос «Слово о полку Игореве», лежащий в основе нашей культуры, написан про воинское поражение. Особенно если не знать, что великих и всенародно любимых русских песен про гибель того или иного войска у нас едва ли не больше, чем песен победительных, одических. Особенно если не брать во внимание, что русская военная поэзия — пусть не всегда, но в основном своём течении — минорна, сострадательна, даже скорбна.

Знаете, отчего мы уже победили? Здесь нигде нет радости от гибели неприятеля. Здесь враг неразличим, обезличен, туманен.

Ведь борьба шла не за территории. Борьба шла не с людьми и не с народами. Борьба шла за сохранение имени. За право это русское имя нести впрямь. За русскую совесть.

И ещё важное.

Вадим Кожин, литературовед, историк, философ, сказал однажды поразительную вещь. Он сказал, что литературные памятники надо изучать вместе, в одном ряду с историческими событиями. Потому что значение их в конечном итоге для сознания народа соразмерно. «Слово о полку Игореве», оборона Козельска, Невская битва, русские былины, оборона Смоленска,

державинские оды, Полтава и «Полтава» Пушкина — это события одного порядка. Это становление русской истории и русского духа. Одно без другого немислимо.

Сами по себе воинские победы, не имеющие культурного осмысления, сначала поднимают народы наверх, а потом те же народы, как в наказание, низводят во прах. Мы ещё помним имена нескольких народов, что проходили сквозь Русь, топча её. Но помним лишь потому, что сохранили их в нашей собственной культуре. Своей культуры многие из тех народов не создали. Или создали такие слабые культуры, что их разнесли сквозняки времён.

Нынче мы вправе гордиться нашим Отечеством и населяющими его людьми не только потому, что Родина наша отстояла Донецк и Луганск, вернула себе земли запорожские, херсонские, сделала Азовское море внутренним, приняла домой 10 млн человек: только вообразите себе это множество и представьте, сколько детей родится от них. Мы вправе гордиться ещё и потому, что народ наш собрал лучшие слова, чтобы сказать, поведать, спеть об этом.

Быть может, эта книга может показаться вам печальной. Здесь точно нет самоупоительной бравады. Но та печаль — великая, светлая, русская.

Мы сделали ещё один шаг вверх.

Тьма отступила от нас.

Слово, которое мы держим в руках, — светится.

АЛЕКСАНДР АНТИПОВ

БОГАТЫРИ

Казалось бы — до неба три версты,
Четыре остановки на маршрутке.
А сядешь — и опять кресты, мосты,
Кусты дождей, и ты вторые сутки
По пробкам добираешься в объезд
И вспомнишь пулемётчика Серёгу,
Слова его: «Доеду, вот те крест,
Ты только не загадывай дорогу.
А там, небось, успею дотемна,
Пока гроза не вышла мне навстречу.
До неба три версты, и жизнь одна,
И жизнь одна, а смерть я не замечу».
И вовсе нет сомнений — он дошёл,
Да только скинул весточку хотя бы.
В каком-то из небесных, значит, сёл
Он загулял, а с ним братва и бабы.
Какая-то случайная звезда
В его солдатской плавает посуде.
А снизу заполняют поезда
Невидимые маленькие люди.
В числе таких невидимых и мы
Всё едем, вспоминая про Серёгу.
До неба три версты, как до зимы,
Где нас никто не встретит, слава Богу.
Был прав Серёга, что ни говори,
Смекнув: «Да нет, Россия — не разиня...»
Гляди, как спят в купе богатыри,
Все три: Илья, Алёша и Добрыня

Пацанам

Что в булочную очередь, что очередь в герои —
В любую неизменно наугад
Колоннами смущёнными по двое и по трое
Одни и те же мальчики стоят.

Стоят за ними девочки, за мужем или сыном,
Для внуков объясняя сказку так:
Попали в плен под Горловкой Незнайка с Буратино,
Но спас их от беды Иван-дурак.

И не понять холёному милашке спайдермену
И прочим властелинам всех колец,
Что эти наши мальчики готовятся на смену
Чужим супергероям наконец.

И каша смыслов варится, и русское в опале
У тонких псевдорусских культперсон.
Но разве наши мальчики в герои помышляли,
Бахмут освобождая и Херсон?

Их не покажут массово на кассовом экране,
Не выберут лицом ПАО «Нефтьпром».
У них не деньги левые, а три звезды в кармане,
Они живут в землянке вчетвером.

Пройдут протесты пошлости по улице Заречной,
Весна пройдёт, как буря или месть.
А эти наши мальчики останутся навечно —
Они Россия, в общем-то, и есть

СНЕЖНАЯ БАБА

По образу-подобию учителя истории
Слепила бабу снежную в посёлке школота.
У них работа спорилась, они друг с другом спорили,
И двор был как вселенная, в которой суета.

Учительница гневалась, но баба-то ей нравилась.
Пришла с работы оттепель — и бабы след простыл.
Весна за эту оттепель дождём потом проставилась,
И у забора ветхого оттаял ржавый ЗИЛ.

Одно и то же облако по небу плыло лодочкой,
И пацаны на великах гоняли взад-вперёд.
А как июль наметился своей вишнёвой мордочкой,
По сонной главной улице ударил миномёт.

Учительницу ранило, а пацаны отправились
На этих самых великах в волшебную страну.
Свистели мины, падали, им очень это нравилось —
Они с рожденья самого боятся тишину.

Для бравых миномётчиков то дело было маленьким —
У них давно по ордену, их семьи очень ждут.
А неприцельно жажнули — так там одни москалики
И, значит, орки новые из них не подрастут.

А приключилось это всё в две тысячи пятнадцатом,
И пацанам тем было бы сегодня двадцать лет.
По киевскому телику галдят: «У нас нет нациков!»
Да только баба снежная не верит в это, нет.

Её слепила заново по образу-подобию
Учителя истории другая школота.
Стоит бабёнка снежная у детского надгробия,
И по соседней улице работает арта